

● Вечерний звонок Натэле ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Новый год с графом Толстым

Мы решили позвонить театральному критику Натэле Лордкипанидзе, близко знавшей Фаину Раневскую.

Известия - 2001 - 21 авг. - 4/2.

— У Фаины Георгиевны была всенародная известность. Достаточно было ей появиться на сцене даже без слов, чтобы душа зрителя затрепетала. Милиционеры на улице отдавали ей честь.

— Как она относилась к своей славе?

— Иронично. Говорила: «Не меня любят, а моих героинь». Она не терпела слова «играть» — только жить, существовать в чужой «шкуре». Очень зависела от партнеров, потому удивлялась: «Как могли великие актеры играть с артистами, от которых нечем заразиться, даже насморком!». И еще: «Говорят, талант — это вера в себя. А по-моему, неуверенность в себе».

— Слава Богу, что Раневская осталась на экране.

— Она с удовольствием играла и трагические роли, и в комедиях, причем в эпизодах тоже. Помните тапершу в фильме «Пархоменко» — как поет за пианино, не выпуская папиросы изо рта? Конечно страна знала Раневскую по «Весне», «Подкидышу». Она уже раздражалась при упоминании знаменитого «Муля, не нервнирай меня!». Эта ее Ляля была великолепна — и смешна, и жалка, и несчастна.

— Вы бывали у нее дома, наблюдали с разными людьми.

— Как она говорила, в халатном виде. Кроме актерского дара был у нее еще более редкий — человеческий. Случайно увидела Марину Неёлову — она ее потом называла «Неёлочка» — по телевидению, а Елену Камбурову услышала по радио, та читала Горького. Восхитилась, разыскала обеих, позвала в гости и полюбила. Неёлова вспоминала, что после разговора с Раневской испытываешь ощущение, что надышалась кислородом, больше на таком «мозговом и сердечном уровне» общаться не с кем. Приятельницей Фаины Георгиевны была журналистка «Известий» Татьяна Тэсс. Тут прелестная история с розыгрышем. Фаина писала Татьяне весьма озорные письма от имени почитателя Кафкинского из деревни с непечатным названием. «В Вашем пере волнуется борьба за правду и хорошее внутри челове-

Фаина Раневская

ка... выхваченное из жизненных процессов людей. Пишите, почему нет снижения цен... В это, Татьяна, Вам надо вникнуть, чтобы покончить с пережитками нашей счастливой жизни».

— Ее убойные изречения ходили по Москве, едва родившись: «Бог мой, как я стара — еще помню порядочных людей».

— Она остро ощущала свое одиночество. Однажды я спросила, с кем она встречает Новый год. Сказала, что «с одним прекрасным старцем». Я подумала, что с поэтом Антокольским. «Нет, с графом Львом Николаевичем». Что означало — будет читать Толстого. В житейском, в будничном — тоже удивительная. Вечное безденежье, но, получив деньги, тут же растрчивала: подарки, цветы, миска икры на праздновании дня рождения. Постоянно помогала незнакомым людям, я сама сколько переводов отправила! А на чем спала, ела, пока друзья не купили приличную мебель... Объясняла, что любит предметы быта исключительно в музее материальной культуры.

— Где Фаина Георгиевна похоронена?

— На Донском кладбище. У нее не осталось родных. Кто приносит цветы, неизвестно.

Элла МАКСИМОВА